

А. Г. Заблоцкая, А. Ф. Шашин

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

В статье раскрывается особенность криминологического изучения и обобщения информации о криминогенных ситуациях в «горячих точках». Приводится научное обобщение уровня пораженности и степени опасности преступности в местностях, где проводятся контртеррористические операции. Кроме того, авторы предлагают перечень мер, способных оптимизировать деятельность по борьбе с преступностью в условиях проведения контртеррористических операций.

Ключевые слова: контртеррористическая операция, «горячие точки», чрезвычайная ситуация, крайняя необходимость

A. G. Zablotskaya, A. F. Shashin

CRIMINOLOGICAL ASPECT OF STUDYING CRIMES COMMITTED UNDER THE CONDITIONS OF CONDUCTING COUNTERTERRORIST OPERATIONS

In the article the peculiarity of criminological aspect of studying and generalizing information related to criminogenic situations in troubled areas is determined. The scientific generalization of the crime danger rate in those areas where counterterrorist operations are held is given. Besides, the authors suggest a set of measures to be taken in order to optimize crime prevention activities under the conditions of conducting counterterrorist operations.

Keywords: counterterrorist operation, troubled areas, extraordinary situation, extreme necessity.

Вооруженные конфликты 90-х и 2000-х гг. и обострившийся в связи с ними социально-экономический кризис в отдельных регионах страны стали мощными генераторами преступности, выплеснувшейся далеко за ее пределы. Недостаточная политическая воля государства в разрешении конфликта, а также целый комплекс неблагоприятных обстоятельств политического, экономического, исторического и иного характера сформировали в Чеченской Республике уникальный криминальный анклав, где было реанимировано рабство, а основные доходы поступали за счет незаконной торговли нефтепродуктами, похищений людей, бандитизма, разбоев и грабежей.

Новый этап развития чеченского кризиса ознаменовался вторжением в 1999 г. незаконных вооруженных формирований с территории Чеченской Республики в Республику Дагестан, которое обернулось началом контртеррористической операции и повторными

(после событий 1994—1996 гг.) широкомасштабными боевыми действиями, в ходе которых был установлен военно-политический контроль над всей территорией Чеченской Республики, нанесен существенный урон незаконным вооруженным формированиям. После окончания войсковой стадии (2002 г.) и перехода антитеррористической операции в стадию поддержания политической стабильности активизировался процесс государственного строительства в республике. Принята Конституция Чеченской Республики, восстановлены все органы государственной власти в соответствии с конституционным строем Российской Федерации, вновь создана и заработала правоохранительная система.

В последнее время практически вся территория Северного Кавказа превратилась в пространство бесконтрольного разгула преступных группировок. Результатом этого являются резкое усиление социальной

напряженности и криминализация общества, что создает дополнительные проблемы на пути достижения социально-политической стабильности в регионе.

Суммируя сказанное, следует отметить, что актуальность темы определяется наличием, как минимум, трех групп проблем.

Во-первых, состояние преступности в Чеченской Республике, отличающейся крайней политической нестабильностью, непосредственно влияет на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Во-вторых, изучение особенностей преступности в период контртеррористической операции и опыта противодействия различного рода криминальным проявлениям в особых социально-политических условиях, связанных с боевыми действиями, имеет существенное теоретико-методологическое значение для разработки проблем противодействия преступности в условиях вооруженных конфликтов, социально-политических кризисов и чрезвычайных ситуаций.

В-третьих, в современных условиях необходимо принятие более эффективных мер противодействия преступности в Северо-Кавказском регионе, разработка которых возможна лишь на основе глубокого и всестороннего криминологического исследования особенностей преступности в этом субъекте Российской Федерации, закономерностей ее (преступности) существования и развития.

В отличие от режимов военного и чрезвычайного положений, правовому регулированию которых посвящены целые законы, правовое регулирование режима контртеррористической операции представляется достаточно фрагментарным, что создает реальные проблемы в правоприменительной практике.

Мы предлагаем определить контртеррористическую операцию как комплекс специальных оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по предупреждению, пресечению

террористического акта, минимизации его последствий, обезвреживанию террористов и защите при этом жизненно важных интересов личности, общества и (или) государства.

По нашему мнению, ч. 1 ст. 12 Закона «О противодействии терроризму» необходимо изложить в следующей редакции: «Контртеррористическая операция проводится для предупреждения, пресечения террористического акта, минимизации его последствий и (или) обезвреживания террористов и защиты при этом жизненно важных интересов личности, общества и (или) государства, если достижение указанных целей иными силами или способами невозможно».

Кроме того, ч. 2 ст. 12 данного закона необходимо дополнить предложением следующего содержания:

«Руководство контртеррористической операцией осуществляет должностное лицо, принявшее решение о проведении контртеррористической операции. Руководитель федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности может возложить руководство контртеррористической операцией на иное должностное лицо».

Своевременное устранение выявленных недостатков законодательного регулирования противодействию терроризму, несомненно, должно способствовать повышению эффективности не только правовой регламентации в данной сфере, но и практической деятельности федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих борьбу с терроризмом.

Этнический конфликт, который получил свое интенсивное развитие на Северном Кавказе, особенно в Чеченской Республике, существенно видоизменил картину преступности, которая была характерна для данного региона. Если к концу 80-х—началу 90-х гг. она отражала основные тенденции, свойственные РФ с точки зрения таких параметров, как объем, уровень, динамика, структура, территориальное распределение преступности, то с момента возникновения указанного конфликта криминогенная обстановка в стране резко видоизменилась. Это было обусловлено тем

типом поведения, который характерен для различных категорий участников этнического конфликта, а также характером осуществляемых контртеррористических операций. Все участники конфликта, принимая на себя соответствующую роль, неизбежно преступают грань дозволенного, что имеет и соответствующую уголовно-правовую квалификацию [1].

Особенности преступлений, совершаемых в кризисном регионе в период проведения контртеррористических операций, связаны с той обстановкой, которая складывается на его территории. На этапе захвата власти сепаратистами преступления главным образом приобретают форму насилия в отношении представителей органов власти и государственного управления, а также иных деяний, посредством которых происходит захват и удержание власти. К этим же деяниям примыкают и общеуголовные преступления, т. е. резко возрастает роль и число маргиналов, что в целом свойственно подобного рода ситуациям. В период оформления государственности на принципах национализма резко возрастает число насильственных посягательств, объектами которых оказываются представители тех этносов, которые подлежат депортации из региона, т. е. начинает проявляться феномен этнических чисток. Специфика преступности в Чеченской Республике в рассматриваемый период заключалась в том, что получили широкое распространение преступления в сфере финансово-кредитных отношений, иные экономические преступления; расцвел наркобизнес, криминальная торговля оружием, контрабанда, незаконные операции с нефтью и др. Кроме того, получили распространение и преступления, связанные с противостоянием между представителями власти сепаратистов и их оппозицией; между силами, представляющими различные слои общества данного региона [2].

Вооруженный конфликт между федеральной властью и сепаратистами привносит свои коррективы в картину преступности кризисного региона, когда на его территории начинает проявляться феномен деяний, которые обозначаются словосочетанием «военные

преступления», совершаемые вопреки принципам поведения во время войны. Тем более, что вооруженный конфликт в кризисном регионе имел место не между армиями отдельных государств, а предполагал наведение конституционного порядка и ликвидацию незаконных вооруженных формирований. Со стороны военизированных формирований сепаратистов имеют место преступления, для которых характерны террористические методы, практикуются внесудебные казни, похищение людей, захват заложников, пытки, преследование по политическим и религиозным мотивам и др. Одновременно также в условиях боевых действий совершаются преступления и военнослужащими, количество и спектр которых не характерны для воинских подразделений мирного времени.

После завершения широкомасштабных боевых действий и преобладания открытого сопротивления незаконных вооруженных формирований сепаратистов преступность кризисного региона, прежде всего, включает такие преступления, которые совершаются боевиками, перешедшими на нелегальное положение и опирающимися на помощь отдельных представителей местного населения. Поэтому в структуре преступности преобладают особо тяжкие преступления — убийства, террористические акты, посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и похищения людей. Эти деяния являются продолжением, хотя в иных масштабах, конфликта, который имел место в регионе [3].

Если же говорить в целом о типологии региональной преступности, проявившейся на территориях проведения контртеррористических операций, то следует признать, что это в основном умышленная преступность. Среди них преобладают преступления, представляющие угрозу безопасности государства. По особенностям контингента лиц, совершающих эти преступления, это весьма специфичная преступность, поскольку субъектами наиболее опасных преступлений, совершаемых в регионе, являются лица, которые воспринимают идеологию сепаратизма и отстаивают ее в

процессе длительной вооруженной борьбы.

Распределение лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических операции, по возрасту говорит о том, что для них характерен пик жизненной активности. Региональная особенность их возрастной характеристики заключается в том, что в условиях социальной дезорганизации они приобрели опыт особой противоправной деятельности, а их личность сформировалась под воздействием националистических и сепаратистских концепций, религиозной нетерпимости. Обстановка социальной аномии в регионе благоприятствовала и выработке у лиц молодого и среднего возраста, совершивших преступления в регионе, криминальных стереотипов поведения [4]. Уголовно-правовая характеристика региональных преступников показывает, что в их числе доминируют лица, относящиеся к категории лиц, совершающих насильственные преступления особой направленности, о чем свидетельствует тенденция квалификации содеянного ими, охватывающая в основном преступления против жизни и здоровья, общественной безопасности и порядка управления. Среди региональных преступников есть и те, которые образуют группу виновных в корыстных ненасильственных и корыстных насильственных преступлениях.

Наличие в кризисном регионе оснований для федерального вмешательства и осуществления крупномасштабных контртеррористических операций влечет за собой попытку федерального центра силой обеспечить соблюдение конституционного порядка на мятежной территории. В этом случае преступность на этой территории видоизменяется за счет того, что в регионе начинают проявляться преступления, характерные для военного времени, в том числе преступность военнослужащих. Криминальное влияние кризисного региона начинает прослеживаться в иных субъектах РФ, что

также опасно для территориальной целостности страны и безопасности населения. Поэтому федеральный центр проявляет толерантность в вопросах урегулирования вооруженного конфликта, возникшего на национальной почве. Однако действие в данном регионе политических, правовых, социально-психологических, религиозных и иных факторов по своей силе и характеру таково, что даже в условиях гарантирования проблемному региону максимального объема прав в различных сферах общественной жизни не приводит к положительным результатам.

Начиная с 2000 г., в исследуемом регионе повсеместно проводится широкомасштабная система мер, которые по своему характеру имеют и антикриминогенное значение. Это — политические и экономические мероприятия, реализация которых воссоздает структурную организацию региональной власти и обеспечивает экономическую деятельность на данной территории [5]. Эти меры весьма специфичны, так как, в отличие от других субъектов РФ, они проводятся по истечении довольно продолжительного периода на территории, где имела место обстановка социальной дезорганизации. Тем не менее к 2004 г. в основном удалось решить проблему реконструкции региональной политической системы и осуществить ряд мер по оптимизации экономической системы на территории кризисного региона. Последняя группа мероприятий связана с большими трудностями, поскольку по сравнению с 1991 г. экономика Чеченской Республики полностью разрушена. Если удастся не допустить нового этапа эскалации сепаратизма и национализма в республике, то все упомянутые выше мероприятия, безусловно, приведут к урегулированию проблемной ситуации в республике и одновременно окажут антикриминогенное воздействие на факторы, обуславливающие особый тип региональной преступности [6].

Список библиографических ссылок

1. Пичугин С. А. Криминологическая характеристика участников незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 6
2. Милиция между Россией и Чечней. Ветераны конфликта в российском обществе / науч. ред. А. Новикова. М.: Демос, 2007.
3. Никулина Е. В. Похищение людей на Северном Кавказе и пути предупреждения // Труды юрид. фак-та Ставропольского гос. ун-та. Ставрополь, 2005. Вып. 9.
4. Коротеев К. Общие замечания о решениях Европейского суда по правам человека по жалобам, касающимся вооруженного конфликта в Чечне // Вестник публичного права. 2005. № 9.
5. Заурбеков Ю. З. Проблемы преступности в Чеченской Республике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006.
6. Паненков А. А. Финансирование организованных преступных формирований в Чеченской Республике и проблемы его пресечения // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ним. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005.